
Ю. С. ОГАНИСЬЯН

ОКтябрьская революция и террор. Исторический очерк с выходом на современность

Вековой юбилей Октябрьской революции дает повод рассмотреть ряд проблем, связанных с ролью и значением террора в ее развитии. При этом автор аргументирует свои оценки и выводы ссылками на известные факты, суждения участников и свидетелей событий – как вождей и сторонников революции, так и их противников, а также на обобщенные результаты современных исследований. В статье делается упор на необходимость объективного подхода к их анализу и соотнесению. Революционный терроризм политически разнороден. Его широко использовали все политические движения, участвовавшие в революции и Гражданской войне в России: «красные», «белые», «зеленые», «розовые», каждое из которых несет свою долю ответственности за неисчислимые жертвы террора. Автор подчеркивает актуальность урока столетней истории Октябрьской революции – террор несовместим с подлинной свободой и социальной справедливостью.

Ключевые слова: *насилие, революция, террор, большевизм, Гражданская война.*

Революция неотделима от насилия. В этом главное ее отличительное свойство. Точно так же неотделим от насилия противоположный ей процесс – контрреволюция, направленная на сохранение или реставрацию общественно-политического порядка, уничтоженного или надломленного в ходе революционных преобразований. И та и другая сторона этого противоборства неизменно прибегает к террору как к крайней форме насилия, которая характеризуется произволом вооруженной силы, беспредельной жестокостью, нагнетанием атмосферы страха. Всякая революция порывает с правовым порядком и моральными ценностями общественного строя, против которого она направлена. И это уводит ее в пространство по ту сторону добра и зла, на путь произвола и насилия.

История и современность, № 2, сентябрь 2017 162–190

Мировая история дает множество тому подтверждений – от восстаний рабов глубокой древности и крестьянских бунтов Средневековья до гражданских войн новейшего времени и «цветных» революций современности. Октябрьская революция 1917 г. в России – событие всемирно-исторического значения (Пантин 2013). Ее всепланетное влияние бесспорно. Оно наложило свою печать на весь XX век. В год столетнего юбилея революции нельзя не признать, что Октябрь открыл эпоху социального обновления мира, освобождения колониальных народов, демократизации международных отношений в целом. Эта эпоха, однако, абсорбировала и освоенный большевиками опыт террора других революций, что отражено и в ленинском учении о революции, и в самой практике борьбы большевиков за власть. Наряду с социальным прогрессом и демократией революция интернационализовала насилие (см.: Хобсбаум 2004).

Настал ли конец эпохи, ознаменованной этими радикальными переменами? Едва ли. Более того, как отмечают политологи В. И. Пантин и В. В. Лапкин, «великие потрясения в мировой политике и экономике далеки от своего завершения, и главные, наиболее масштабные экономические и геополитические сдвиги еще впереди», ибо наше время насыщено международными военными и политическими конфликтами, «которые в итоге неизбежно перерастают в мировую или в глобальную гибридную войну» (Пантин, Лапкин 2016: 65, 67). Если принять во внимание такие кризисные явления, как разгул международного терроризма, гражданские войны на Украине и в Сирии, обострение отношений между Россией и Западом, возрастание угрозы новой мировой войны, то сегодня, спустя столетие, конца означенной эпохи не видно.

В литературе существует более сотни определений терроризма. Законодателями разработаны десятки классификаций этого явления. Различают террор «сверху» и «снизу», политический, революционный, военный, сепаратистский, комплексный, криминальный и т. д. Но есть и то существенное, что объединяет все виды терроризма. Философ В. Н. Иванов пишет: «Незаконное насилие в той или иной форме, используемое с политической целью – это главный отличительный признак терроризма» (Иванов 2013: 4).

В начале XX в. преобладал левый терроризм (хотя существовал и правый, например «Ку-клукс-клан»). Прибегали к мягким фор-

мам терроризма суфражистки в Англии. Добиваясь расширения гражданских прав для женщин, они забрасывали тухлыми яйцами и прогнившими овощами политических деятелей, враждебных феминизму. Олицетворением государственного терроризма был фашизм, установивший господство в Италии, Германии, некоторых странах Центральной и Восточной Европы.

Логика классовой борьбы

Как зачинается террор во времена революционных потрясений? Кто выступает его инициатором? Господствующая власть или восставшие массы? История показывает, что террор «снизу» вызывается репрессивным произволом власти имущих либо ее реформами, ущемляющими жизненные интересы народа, а террор «сверху» – ответным протестом на это народных масс. И дело не в том, кто первым начал террор, как было у нас в России в годы Гражданской войны в отношении «белого» и «красного» террора, а, как пишет Г. Н. Петров, в том, что «острота противоречий и уровень политической культуры каждой из противоборствующих сторон предполагали один лишь исход – ликвидацию своего оппонента...» (Петров 2000: 4).

В периоды революционных смут террор обретает тенденцию к стремительному самовозрастанию, к превращению в общенациональное бедствие с многотысячными жертвами взаимной ожесточенности. Таковым в начале XVII в. было, например, восстание крестьян под руководством И. Болотникова. При разгроме царских войск под Москвой они убили более 7 тыс. человек; когда же победу над восставшими одержали царские войска, из 21 тыс. взятых ими в плен было убито 20 тыс. (Там же: 6). Многочисленными актами массового террора с обеих сторон отмечена крестьянская война во главе с Пугачевым, охватившая огромные территории Поволжья, Урала, Западной Сибири и потрясшая устои самодержавного строя в России.

Массовые репрессии против декабристов и иных противников царизма вызвали в XIX в. волну террора «снизу», предшествовавшую Первой русской революции. Созданная в конце XIX в. боевая подпольная организация социалистов-революционеров, объединявшая более 500 боевиков, ответила целым каскадом терактов на

Кровавое воскресенье 9 января 1905 г., когда в Петербурге была расстреляна мирная демонстрация, направлявшаяся с петицией к царю. В годы революции было совершено 4742 покушения на царских чиновников, из числа последних 738 были убиты, 972 – ранены. Революция была подавлена царизмом в ходе жестоких репрессий: из 200 тыс. арестованных участников революции 3,5 тыс. были казнены, многие тысячи отправлены в тюрьмы и на каторгу (Петров 2000: 8).

Всякая революция порывает с правовым порядком и моральными ценностями общественного строя, против которого она направлена. И это уводит ее по ту сторону добра и права, на путь произвола и насилия. Большевикам была чужда христианская мораль, четко различающая добро и зло, а их учение, ведущее к завоеванию мира, превращало эти понятия в принципы, обусловленные политической целесообразностью.

Разумеется, у большевиков была своя мораль, противоположная буржуазной и подчиненная интересам классовой борьбы пролетариата. Ее главная заповедь – хорошо все, что служит победе революции и социализму. И, понятно, плохо все то, что этому противостоит. По этой логике, «красный террор» не только допустим, но и желателен всякий раз, когда он служит делу революции. В этом случае необходимо по возможности расширить его масштабы, сделать массовым. «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, – писал В. И. Ленин, – мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие» (Ленин 1963: 386).

Логика классовой борьбы действует в крайних, экстремистских формах в преддверии и во время гражданских войн. Ей подвластна политика всех участников революционного процесса, независимо от их мировоззренческих позиций и убеждений. В эти периоды все они подчиняются закону джунглей: «Или я тебя, или ты меня», каковой выражен в известном изречении «Если враг не сдается, его уничтожают». Именно таким образом действовала царская власть в дни Второй – февральской – революции, когда только в Петрограде в столкновениях с полицией погибли сотни людей и более 1,5 тыс. человек были ранены (Петров 2000: 8). Отнюдь не отказалась от

террора и сменившая царизм новая – «либеральная» – власть. В июле 1917 г. Временное правительство, возглавляемое либералом А. Ф. Керенским, жестоко – с помощью тяжелой артиллерии и пулеметов – расправилось в Петрограде с массовыми антиправительственными выступлениями рабочих и солдат, организованными анархистами и большевиками, которые потребовали от него мирной передачи власти Советам.

Эти лозунги, по существу, противоречили ленинскому учению о революции, которое исключало возможность мирного перехода власти к пролетариату. «Как же волки могут стать агнцами? – спрашивал Ленин. – Середины тут не бывает. Либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата. Так стоял вопрос во всех европейских революциях. Революционеру не стоит лицемерить... История показала, что без революционного насилия невозможно достигнуть победы. Без революционного насилия, направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров. А с другой стороны, революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы» (Ленин 1974б: 120, 121).

Никаких компромиссов с врагами революции. Всякое соглашательство – предательство интересов рабочего класса. Подчеркивая это, И. В. Сталин в августе 1917 г. в передовой статье газеты «Рабочий», озаглавленной «Против соглашения с буржуазией», писал: «...пора сказать решительно и бесповоротно, что *с врагами нужно биться, а не соглашаться!*» (Сталин 1946: 266).

Кто несет историческую ответственность за революционный террор? Где его социальные истоки? В чем усматривают их просветленные либеральными идеями умы отечественной интеллигенции? Разумеется, не в классовой борьбе, а в неких негативных особенностях русского народа, в противоречиях его национального характера. «Буревестник революции» Максим Горький в «Несвоевременных мыслях» – в статьях, печатавшихся в 1918 г. в газете «Новая жизнь», – писал о русском народе: «Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоенный водкой, изуродованный цинизмом насилия, безобразно жестокий и,

в то же время, непонятно добродушный, – в конце всего – это талантливый народ» (Горький 1990: 145).

После революции в брошюре «О революционной роли крестьянства», опубликованной в 1922 г. в Берлине и вызвавшей полемику в среде российской эмиграции, он писал: «Вот схема моих впечатлений и мыслей о русском народе». Революционная жестокость объясняется в этой схеме «исключительной жестокостью русского народа», ибо трагедия русской революции разыгрывается в среде «полудиких людей». Какую роль играют в ней их политические поводыри? Автор отвечает: «Когда в “зверстве” обвиняют вождей революции – группу наиболее активной интеллигенции – я рассматриваю это обвинение, как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий или – у людей честных – как добросовестное заблуждение» (Он же 2003: 234, 246).

Бесспорно, историческое бытие народа несет на себе темные следы многовекового проклятия рабства, невежества, а вне влияния интеллигенции немислимы ни освобождение, ни просвещение народных масс. Но это не вся правда, а лишь ее часть. Не только темными сторонами отмечена жизнь народа, и не только – может, и не столько – он несет ответственность за злодеяния времен революционной смуты. Возражая Горькому, лидер Партии народных социалистов, автор книги «Красный террор» С. П. Мельгунов отмечал: «...темен русский народ, жестока, может быть, русская толпа, но не народная психология, не народная мысль творила теории, взлелеянные большевицкой идеологией...» (Мельгунов 1990: 7).

Окаянные годы

По свидетельству очевидцев, в отличие от других революций Октябрьская началась без большого кровопролития, поскольку, как вспоминал один из лидеров кадетов А. С. Изгоев, «режим погибал при всеобщем к нему отвращении. Ясно было, что никто пальцем не шевельнет в его защиту». В ответ на заверения А. Ф. Керенского, что он только и «ждет выступления большевиков, чтобы с ними расправиться», их противники «только пожимали плечами». Все понимали, пишет о нем Изгоев, что «слепой поводырь тянул за собой в яму других, всю Россию» (Изгоев 1923: 20). В воспоминаниях современников нет ни слова о «залпе Авроры» или «штурме

Зимнего» – событиях, о которых впоследствии слагались легенды, ставились фильмы и сочинялись мемуары. Сам день переворота 25 октября 1917 г., по свидетельству Л. Д. Троцкого, руководившего восстанием вплоть до вечера, когда в Смольный прибыл Ленин, прошел «без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития» (Троцкий 1918: 73).

Мирный период революции длился считанные дни, которые вскоре сменили «окаянные дни», как назвал И. А. Бунин свою книгу дневниковых записей времен революции и Гражданской войны, когда страну захлестнул кровавый террор. Бежавший из Симферополя очевидец свидетельствует (запись от 8 февраля 1918 г.): «...там, говорит, “неописуемый ужас”, солдаты и рабочие “ходят прямо по колено в крови”. Какого-то старика полковника живьем зажарили в паровозной топке...» (Бунин 1990: 11).

Подобные этому акты самосуда стали обычными с самого начала Гражданской войны. Но больший ужас внушал не стихийный, а организованный властью террор, направленный против широких слоев населения. Главным инструментом карательной политики советской власти стала Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК), деятельность которой не была связана никакими законами, подчиняясь исключительно интересам революционной целесообразности. При вступлении в должность ее руководителя (декабрь 1917 г.) Ф. Э. Дзержинский декларировал: «Не думайте, что я ищу форму революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна. Теперь борьба – грудь с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть – чья возьмет! Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции» (цит. по: Бонч-Бруевич 1931: 191–192).

Общее политическое руководство революционным террором осуществлял В. И. Ленин. Поражает, однако, дотошность, с которой вождь вникал в практическое исполнение этой задачи. В начале января 1918 г. (в конце декабря 1917 г. по старому стилю) в статье «Как организовать соревнование?» (впервые опубликованной лишь в январе 1929 г.) он наставлял новую власть: «Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам... с ними надо расправляться, при малейшем нарушении...

В одном месте посадят в тюрьму... В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами... В четвертом – расстреляют на месте... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт...» (Ленин 1974а: 200, 201, 204).

Ильич не упускал из вида проблему налаживания террора до конца Гражданской войны, когда он особо озаботился судьбами российского духовенства. В марте 1922 г. он говорил: «...я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (Он же 1990). За годы Гражданской войны в России было закрыто более 600 монастырей, уничтожено свыше 10 тыс. человек из числа монашества и священства. Террор не прекратился и после ее окончания. Всего за 20-летие (1918–1938 гг.) было репрессировано около 250 митрополитов, архиепископов и епископов Русской православной церкви (Васильева 1993: 43).

Чтобы окончательно легализовать террор в стране победившего пролетариата, Ленин требовал ввести положение о нем в судебную систему государства: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» (Ленин 1970: 190).

В годы Гражданской войны террор стал политическим инструментом всех существовавших в России правительств. Он бушевал на территории страны с конца 1917 г. до начала 1920-х гг. Столь продолжительное и масштабное его действие во многом объясняется тем, что в России были сильны традиции общества несвободного, в котором человеческая жизнь ценилась низко, царил политический и правовой произвол, не соблюдались права личности, у значительной части населения фактически отсутствовало правосознание. Этими обстоятельствами воспользовались политические партии и группировки, по своей природе далекие от тех, которые осуществляют политику в развитом гражданском обществе, и потому склонные к демагогии, к простым и жестким решениям. Иссле-

дователь проблем Гражданской войны А. Л. Литвин пишет: «Сущностью гражданских войн, как правило, является борьба за власть политических партий, вождей, кланов, увлекающих за собой людей популистскими обещаниями “лучшего” обустройства их жизни, которая чаще всего оборачивается общенациональной трагедией и невосполними потерями» (Литвин 2004: 17–18). Подавляющее большинство этих жертв – миллионы человеческих жизней – унесли внесудебные расправы и сражения Гражданской войны. И если у «красных» террор проводила ВЧК, то у «белых» – контрразведка. Вместе с тем стоит вспомнить свидетельство Н. В. Устрялова, бывшего кадета, белогвардейца, в эмиграции – идеолога сменовеховства и национал-большевизма, по возвращении в СССР профессора экономики, расстрелянного «за шпионаж и контрреволюцию» в 1937 г.: «Наша контрреволюция не выдвинула ни одного деятеля в национальные вожди. Все ее крупные фигуры органически чуждались власти, не любили, боялись ее. Власть для них была непременно только тяжелым долгом, “крестом”, “бременем”... Все они, несмотря на личное мужество и прочие моральные качества, были *дряблыми вождами дряблых*. Революция же сумела идею власти облечь в плоть и кровь, соединив ее с темпераментом власти» (Устрялов 2003: 539).

Попытки реставрации старого строя провоцировали новую власть на развязывание массовых репрессий, в свою очередь ужесточивших методы борьбы против этой власти. Формировался порочный круг террора, гигантская воронка, которая затягивала в себя массу невинных людей. Ее круговращение подхлестывала революционная стихия Гражданской войны. Неподконтрольные никакой власти бесчисленные банды «красных», «белых», обычных уголовников зверствовали по всей стране. Никакая власть не могла справиться с ними. «Кто более жесток: белые или красные?» – спрашивал М. Горький в упомянутой брошюре. И сам же отвечал: «Вероятно – одинаково» (Горький 2003: 235).

«Красный террор» обрушился не только на «белых» и их пособников, но и на рабочих, выступавших за свои права. Многие из них были расстреляны во время расправы над повстанцами в Ярославле. В июле 1918 г. с марта по ноябрь там были казнены 50 тыс. человек из разных сословий (Литвин 2004: 212). При подавлении

забастовки в Астрахани в марте 1919 г. чекисты и красноармейцы расстреляли примерно 4 тыс. рабочих. Комментируя сведения об этом, С. П. Мельгунов отмечает: «Власть решила, очевидно, отомстить рабочим Астрахани за все забастовки, и за Тульские, и за Брянские, и за Петроградские, которые волной прокатились в марте 1919 года» (Мельгунов 1990: 50–51).

Кровавое побоище учинили большевики в 1920 г. в Крыму после эвакуации войск Врангеля. В литературе приводятся разные цифры расстрелянных – от 25 до 120 тыс. человек, среди которых было много женщин. Так, в Севастополе 28 ноября было расстреляно 1634 человека, в том числе 278 женщин, два дня спустя расстреляли 1202 человека, в том числе 88 женщин, и т. д. Эти расправы проводились тогда Особым отделом фронта во главе с Е. Г. Евдокимовым, в характеристике которого для представления его к высокой награде значилась как заслуга цифра в 12 тыс. человек, расстрелянных сотрудниками его отдела (Литвин 2004: 81; см. также: Архив... 1991).

«Белый террор», однако, был не менее ужасен, чем «красный», и сразу после Октябрьского переворота стал принимать массовый характер. В конце октября 1917 г. юнкера расстреляли в Москве почти 500 взятых в плен и обезоруженных солдат запасного полка, оборонявших Кремль (Петров 2000: 9).

В том же Крыму П. Н. Врангель учредил военно-полевые суды, но множество людей было расстреляно без всякого суда. Правительство А. В. Колчака в декабре 1918 г. приняло постановление о широком введении смертной казни, которое осуществляли карательные отряды особого назначения. В правительстве А. И. Деникина карательными акциями занимались контрразведка, военно-полевые суды и судебные следственные комиссии. Но офицеры при захвате городов имели право по своему усмотрению расправляться с их жителями, заподозренными в сочувствии большевикам (Литвин 2004: 127–128, 141–143; Мельгунов 1990: 66; Архив... 1991).

«Белый террор» свирепствовал в 22 губерниях России. Массовые казни производились в Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Омске и других городах; в Самарской губернии после жестоких пыток расстреляно 675 красноармейцев (Красная... 1989: 6, 13–14). Штаб-

ротмистр Фролов из корпуса Капелля вспоминал: «Развесив на воротах Кустаная несколько сот человек, постреляв немного, мы перекинулись в деревню... Жаровка и Каргалинск были разделаны под орех... за сочувствие большевизму пришлось расстрелять всех мужиков от 18 до 55-летнего возраста, после чего пустить “петуха”» (цит. по: Жиромская 2004: 251).

Революционный терроризм политически разнообразен. В этом отношении Октябрьский переворот не отличается от других революций. «Во всех странах, – пишет В. Г. Жиромская, – революции сопровождались многосторонним террором: сколько было задействовано социально-политических сил, столько и было направлений террора» (Там же: 243).

В подтверждение этого автор приводит многочисленные факты. Террор в своих политических интересах осуществляли правительства, выступавшие от имени Учредительного собрания и признававшие лишь его власть законной. Они функционировали в Поволжье, Сибири, на Урале, на севере и юге страны, в «национальных окраинах» бывшей империи. Они боролись с советской властью, и, поскольку в основном состояли из эсеров, меньшевиков, представителей близких им группировок и выступали против «белых», они именуется иногда «розовыми» или «демократическими».

Правительство Комуча (Комитет членов Учредительного собрания), образованное в июне 1918 г. в Самаре, распространяло свою власть на Поволжье и часть Ставрополя. Органами террора служили контрразведка и Чрезвычайный военный суд. Тогда же были созданы Временное областное правительство Урала, Временное сибирское правительство, Директория в Уфе и т. д. Все эти правительства также имели свои структуры карательных органов. В Архангельской области, где правила Директория, через тюремное заключение прошла десятая часть населения. Только за один 1918 г. было арестовано 38 тыс. человек, из них 9 тыс. были расстреляны либо забиты насмерть. В концлагере на полуострове Мудьюг сажали в карцер, расположенный в вечной мерзлоте, морили голодом, топили в прорубях на Печоре и Пинеге. Комуч, сибирские и уральские областники и прочие правительства обстреливали из пушек целые деревни за отказ дать новобранцев или провиант, убивали бастовавших рабочих, их жен и детей (Жиромская 2004: 247–248).

Массовые расстрелы, пытки, изощренные способы казней и прочие проявления этого лихоейства были характерны для всех участников Гражданской войны, которая превращала в извергов еще недавно мирных земледельцев. Бесчинства «красных» и «белых» заставляли массы крестьян уходить в леса, сколачивать партизанские отряды, образовавшие широкое движение «зеленых», которые отвечали террором на репрессивную политику властей любой окраски. По размаху количества участников оно превосходило Белое движение. Значительную часть «зеленых» составляли дезертиры, каковых, по данным ЧК, к середине 1919 г. насчитывалось 576 тыс. человек (см.: Петров 2000: 19).

Наибольшую известность получили отряды батьки Махно, свирепствовавшие на Юге России и дважды становившиеся регулярными соединениями Красной армии. Как свидетельствуют документы деникинской Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, «махновцы отличаются особенной беспощадной жестокостью по отношению не только к офицерам, но и к сельским священникам, жителям и вообще к местной интеллигенции» (Красный... 2001: 16). В эмиграции Н. Махно признавал, что он расстреливал большевистских эмиссаров, равно как и тех, кто поддерживал деникинский режим (Там же). О размахе махновского движения свидетельствуют такие факты: на его ликвидацию Москва направила две трети красноармейцев Южного фронта; РККА потеряла в этой борьбе 170 тыс. бойцов в одном только 1921 г. (см.: Литвин 2004: 222; Комин 1990: 35–39).

Чего стоили России революция и Гражданская война? Называют разные цифры. Ни одна из них не вызывает полного доверия. Сколько людей погибло в те «окаянные» годы, во время коллективизации, в расстрельные тридцатые? Даже с точностью до миллиона нельзя достоверно ответить на этот вопрос. Словом, за ценой не стояли.

Революция и Гражданская война в России переполнены кровавыми кошмарами. Кто виноват? Свою долю исторической ответственности несут прежде всего победители. Однако далеки от истины те, кто возлагает ответственность только на большевиков. Со своей стороны, большевики не стеснялись в выражениях, отвечая

«акулам империализма», на которых перекладывали всю вину за разжигание в России Гражданской войны.

Иностранные интервенты действительно сыграли значительную роль в военной поддержке Белого движения и сами непосредственно участвовали в борьбе против советской власти. Вооруженные силы Германии, Великобритании, Франции, США, Японии и других стран действовали во многих губерниях России – от Мурманска до Баку, от Прибалтики до Дальнего Востока, не уступая белогвардейцам в жестокости. Вмешательство интервентов в Гражданскую войну придало ей международный характер, способствовало усвоению массовым сознанием большевистской идеи мировой революции. Вторжение интервентов усилило воздействие лозунга большевиков «Отечество в опасности!» на массовое сознание. Гражданская война соединила классовую борьбу с национально-освободительным движением.

Большевики, однако, как подлинные интернационалисты, не делили своих врагов по национальному и иным признакам в борьбе за власть. Они безжалостно подавляли националистические и сепаратистские движения. Не церемонились и со своими сподвижниками, отступавшими от принципа нерушимого единства целей борьбы за социализм. Советская власть расправилась с гвардией Октября – кронштадтскими матросами, которые восстали в 1921 г. против ее экономической политики и произвола «красных» комиссаров. Столь же беспощадно, с применением химического оружия было подавлено в 1921–1922 гг. восстание тамбовских крестьян, доведенных до отчаяния разорявшей их продразверсткой и карательными действиями продотрядов.

«Враги» были кругом. Они таились везде. По ходу строительства социализма враждебное окружение не уменьшалось, а росло. Враги бывают разные, разъяснял И. В. Сталин в статье, приуроченной к Седьмому расширенному пленуму ИККИ, они повсюду: «Есть классовые враги, которые не мирятся с Советской властью и добиваются ее свержения во что бы то ни стало. Есть и такие классовые враги, которые мирятся, так или иначе, с Советской властью. Есть враги, которые стараются подготовить условия для свержения диктатуры пролетариата. Это – меньшевики, эсеры, кадеты и про-

чие. Но есть и такие враги, которые сотрудничают с Советской властью и борются против тех, которые стоят на точке зрения свержения Советской власти, надеясь на то, что диктатура будет поменьше ослабевать, перерождаться и пойдет потом навстречу интересам новой буржуазии» (Сталин 1948: 70).

Врагов надо знать. Нельзя терять бдительность. Борьбу с врагами следует постоянно ужесточать. Было время, вспоминал великий вождь в ходе беседы с немецким писателем Эмилом Людвигом, когда большевики допускали мягкость в обращении с ними, но быстро опомнились: «Очень скоро выяснилось, что чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывают» (Он же 1951: 108).

Решая задачу переустройства мира, большевики сумели сохранить почти всю территорию имперской России, отбросить интервентов, спасти Европу от гитлеризма, превратить страну – безусловно, жестокими и далеко не всегда оправданными методами – в могущественное государство, победившее в Великой Отечественной войне, а после нее добившееся оборонного паритета с США и проложившее дорогу в космос.

Спору нет, этот новый мир был не столь привлекателен, как тот фантастический, который, по представлениям постсоветских либералов, возник бы, если бы победили не большевики, а их противники. Там, в этом химерическом мире, обретается сказочное общество, благоденствующее, высоконравственное, свободное, демократическое, сотворенное чистыми руками своих добрых правителей. В таком ли обществе в действительности оказались граждане бывшего СССР в 1990-е гг., по которым сегодня ностальгируют либералы и которые для многих миллионов людей вновь стали «окаянными»?

Значит ли это, что реальный социализм, насильственные методы его построения дают образцовый пример реализации идеи социальной справедливости? Отнюдь. История доказывает, что любой общественный строй, каким бы справедливым он ни изображался его апологетами, обречен на вырождение, если базируется на насилии и обмане. Почему эпоха, начавшаяся в октябре 1917 г. как оптимистическая трагедия, завершилась 8 декабря 1991 г. убогим фарсом соглашения о распаде СССР, подписанного никем не упол-

номоченными на то лицами? Чем объяснить столь неожиданный и бесславный итог? Непосредственных причин тому множество. Поскольку они выходят за пределы рассматриваемой здесь проблематики, подчеркнем словами М. Горького лишь актуальность одного из главных уроков столетней истории Октябрьской революции: «...путем убийств, насилий и тому подобных приемов нельзя добиться торжества социальной справедливости» (Горький 1990: 135).

Неусвоенные уроки

Почему же не усваивается этот урок? Потому, видимо, что велика сила самообмана. Отдельный человек, общество, его правители легко поддаются иллюзиям, сулящим всеобщее благополучие, которое должна принести революция, хотя в действительности она «никогда не бывает такой, какой должна быть», поскольку всегда «революция есть рок народов и великое несчастье» (Бердяев 2002: 257).

Мир не усвоил ни отрицательный опыт Октябрьской и других революций, ни уроки фашизма или же западных попыток экспорта демократии, которые лишь стимулировали международный терроризм – зловещий феномен начала нового тысячелетия, предвестие Армагеддона, новую угрозу мировой войны. Примерно такое представление о терроризме не только формируется сегодня в общественном сознании средствами массовой информации, но и складывается из документов экспертных сообществ, заявлений лидеров мировых держав. Это представление вполне адекватно той глобальной террористической угрозе, которую породил исламский фундаментализм. «Раз созданная террористическая сеть будет действовать и расширяться, пока ей будет обеспечена финансовая и военная поддержка и пока во многих исламских странах будет существовать огромная “горючая” масса, состоящая из обездоленных, униженных и социально неудовлетворенных людей» (Пантин, Лапкин 2016: 81).

Международный терроризм – не новое явление в мировой истории. Если не забираться в глубь веков и не вдаваться в тонкости его определения, то надо признать, что оно прочно вошло в политический обиход еще в начале XX столетия. Уже тогда терроризм

стал влиять на развитие событий международного масштаба. Один пример. Убийство террористом Гаврилой Принципом эрцгерцога Фердинанда послужило сигналом к началу Первой мировой войны. Сопоставимо ли это событие с терактом в США 11 сентября 2001 г. и последовавшей за ним волной массового террора, захлестнувшей многие страны Африки, Азии, Европы? По конкретным причинам, характеру исполнения и прочим, зависимым от временной специфики признакам, конечно, нет. По влиянию на мировую политику, видимо, сопоставимо. Разумеется, с весьма серьезными оговорками, на которых, однако, не станем здесь сосредотачиваться.

Философ В. В. Денисов пишет: бичом современного человечества стал возродившийся в невиданных ранее масштабах и новых формах политический терроризм. Его отличие от терроризма столетней давности заключается прежде всего в возрастании его международного характера, в глобальном охвате всех без исключения регионов планеты. Его объектами становятся уже не только и не столько отдельные индивиды, сколько значительные массы людей, крупные общественные здания и правительственные учреждения (Денисов 2002: 169).

После Второй мировой войны левый терроризм стал распространяться как в развитых странах («Фракция Красной Армии» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, группа «Прямое действие» во Франции), так и в третьем мире, особенно в странах Латинской Америки («Монтанерос», «Тупамарос», «Сендеро луминосо»), с характерными для последних методами городской герильи. Но постепенно левый терроризм уступил место существовавшему параллельно с ним этническому и религиозному терроризму, представленному ирландскими боевиками (ИРА), баскскими сепаратистами (ЭТА), многочисленными организациями в мусульманском мире (Алжире, Ливане, Палестине, Ираке, Сирии, Афганистане). По оценке специалистов, этнорелигиозный терроризм в современном мире является самым распространенным и опасным видом терроризма. Он осуществляется «с целью торжества, практической реализации националистических и религиозных идей» (Антонаян 2006: 14).

Набирает силу экономический (криминальный) терроризм, регулярное использование насилия в хозяйственной сфере. Коррупция стала знаком времени. Экономический терроризм нередко пря-

мо смыкается с преступным миром (наркомафия, работорговля). Академик В. А. Тишков пишет, что сегодня терроризм зачастую не укладывается в понятия государства или этнической общности: «Речь идет о “неформальных сетях” – диаспорные, радикально-фундаменталистские или нарко-криминальные коалиции, которые сегодня играют огромную роль. Причем они не обязательно привязаны к одной какой-то этнической группе... Сейчас появляются транснациональные и “псевдо-цивилизационные” общности – исламская, арабская, тюркская, магрибская. Солидарность здесь выстраивается по причудливым принципам» (Тишков 2002: 25).

Современный терроризм связан с террором времен Гражданской войны в России единым социально-историческим контекстом послеоктябрьской эпохи. Как и столетие назад, он постоянно воспроизводится противоречиями между финансово-олигархическими группировками и народными массами в национальном и международном масштабах. Терроризм вырос до масштабов вселенской опасности на волнах глобализации, которая охватила наряду с прочими и теневые стороны международной жизни. Аналитики Института философии РАН выделяют следующие линии интернационализации терроризма:

- международный терроризм являет собой обратную сторону глобальной политики Вашингтона и его союзников. Глобализация по-американски – это и навязывание всему миру своего образа жизни, мировоззрения, поэтому терроризм может рассматриваться как ответ на эту политику;

- терроризм – это одна из глобальных проблем человечества, глобальная угроза его жизни;

- терроризм – это специфический бизнес, весьма выгодный в мире, где все продается и покупается;

- острие международного терроризма обращено в сторону Российской Федерации (см.: Гудрат, Лебедев 2004: 66).

В советской науке проблема терроризма не отделялась от конфронтации двух противоположных социальных систем и расценивалась как социальное порождение империализма. После развала СССР она стала внутренней проблемой России, где крайне обострились социальные, этнические, конфессиональные противоречия, необычайно возросло влияние криминалитета. «Российское обще-

ство еще в недавнем прошлом обладало устойчивым иммунитетом к терроризму, – отмечали в середине “лихих” 1990-х эксперты отечественных спецслужб. – Однако в настоящее время он нарушен. Объясняется это тем, что терроризм, являясь по сути своей социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня конфликта» (Алаев и др. 1996: 124).

В последующие годы терроризм стал довольно широко распространенным явлением на Северном Кавказе и в крупных городских центрах других регионов России, где для него питательную среду создают экстремистские организации радикал-националистов, неонацистов, скинхедов, религиозных сектантов, действующих, как правило, нелегально. По данным МВД России, на территории страны действует более 210 неформальных молодежных объединений, в том числе экстремистской направленности, общей численностью около 16 тыс. человек. Самой многочисленной из них является группировка скинхедов (около 1,5 тыс. человек). По подсчетам аналитического центра «Сова», за период с 2006 по 2012 г. от расистского и неонацистски мотивированного насилия погибли 407 и ранен 2771 человек. География нападений охватывает 40 регионов страны, а лидерами по количеству пострадавших остаются город Москва с областью и город Санкт-Петербург (Сухаренко 2013: 37, 38).

Комментируя эти данные, директор АНО «Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ» А. Н. Сухаренко пишет: «Основными причинами совершения экстремистских преступлений являются отсутствие у отдельных категорий населения общественно значимых идеалов и принципов, толерантного отношения к представителям других национальностей и религий, искаженное восприятие ими понятия “патриотизм”, распространение в молодежной среде нацистских идей и ценностей, правовой нигилизм, неудовлетворительное состояние профилактической работы» (Там же: 37).

На каком месте в ряду глобальных проблем стоит терроризм? Многочисленные декларации управителей современного мира утверждают: на одном из первых. К примеру, в известной Декларации глав государств и правительств РФ и стран – членов НАТО «Отношения Россия – НАТО: новое качество» отмечалось, что сре-

ди первоочередных шагов стороны договорились вести «борьбу против терроризма: укреплять сотрудничество на основе многопланового подхода, включая совместные оценки угрозы терроризма для безопасности в евроатлантическом регионе...» (Отношения... 2002). Как видно из этого и многих других документов, лидеры мировой политики считают терроризм врагом номер один. Американцы уничтожили главного террориста Бен Ладена. И что же? Проблема упростилась?

Не беремся судить: по арифметическому или, что то же самое, иерархическому критерию, возможно, это и так. Попытаемся все же обсудить вопрос в ином ключе, а именно – в общем контексте названных и неназванных, но сопряженных проблем, образующих, на наш взгляд, общее тематическое поле, вне которого ни одна из них – и терроризм тоже – не может быть адекватно осмыслена и решена.

Глобализация расширила сферы действия означенных вопросов до планетарного масштаба. Поставлена под сомнение сама возможность их решения в обозримом будущем. Проблема наполнилась новыми социально-политическими и цивилизационными смыслами, а перспективы ее решения омрачились непредставимыми еще недавно опасностями. Это воочию показали террористические акты в России, США и других странах мира, небывалые по количеству жертв, характеру исполнения и последствиям для международной безопасности. Общество вдруг осознало свою незащищенность перед лицом международного терроризма. Оказалось, что он включает в себе потенциал разрушения не меньший, чем тот, который содержат арсеналы оружия массового уничтожения, что ультрасовременные средства обороны ни в одной из стран мира не способны отразить вторжение террористов.

По мнению З. Бжезинского, высказанному им во второй половине 1990-х гг., после геополитических сдвигов того десятилетия судьбы мировой цивилизации стали зависеть исключительно от единственной оставшейся сверхдержавы – США; другие страны – лишь временные государственно-территориальные образования, располагающие различными ресурсами. Регион, охватывающий часть России, Казахстан и Ближний Восток, «раздираемый ненавистью, которую легко разжечь», стал огромным полем битвы между

национальными государствами, зоной, где «царит затянувшееся этническое и религиозное насилие». А ближайшая задача США в этом регионе – «укрепить и сохранить существующий геополитический плюрализм», а в долгосрочном плане «под руководством Америки... создать трансевразийскую систему безопасности и привести к возникновению мирового центра» (Бжезинский 1998: 69, 235).

С такого рода позиций, характерных для западной политологии, распад СССР предстает как фатально обусловленная гибель последней империи, как событие, открывающее новые возможности для геополитических решений проблем международной безопасности. Интернационализация терроризма показала легковесность геополитических прогнозов Бжезинского и его единомышленников. Акты международного терроризма и вызванные ими контрмеры – факты глобального масштаба, по-своему характеризующие глобализацию современных цивилизационных процессов. Устрашающее предзнаменование крупных катаклизмов – возникновение «зон неустойчивости», оказывающих разлагающее влияние на сопредельные регионы и негативно воздействующих на международную ситуацию экспортом терроризма, религиозного фундаментализма, контрабандного оружия, наркотиков и т. д.

Терроризм тем более опасен, что способы и пути распространения оружия массового поражения исключительно разнообразны. Это усложняет контроль над ними и расширяет возможность его неожиданного применения. Появление технологий, позволяющих небольшим группам лиц обладать вооружением невероятной разрушительной силы, до недавнего времени находившимся исключительно в распоряжении национальных армий, совпало с десятилетиями глобализации, приведшей к разрушению барьеров, ограничивавших трансграничные контакты. К концу прошлого века именно эти тенденции определяли состояние глобальной взаимозависимости. Известны попытки проникнуть в ядерные центры и арсеналы химического оружия.

Для прикрытия своей деятельности террористы развили изощренную практику всякого рода махинаций с целью получения доступа к новейшим средствам информатики. Быстрое развитие и распространение биотехнологий открывает им возможность вести

биологическую войну или проводить отдельные биотеррористические акты. Растущее значение компьютерных сетей и связанной с ними инфраструктуры в развитых странах делает эти средства весьма привлекательными для преступников. Анонимные организации создают новые возможности для атак диверсантов. Их акции все труднее предугадать. Никто с уверенностью не может сказать, насколько быстро и эффективно террористы сумеют создать инструменты и технологии для ведения кибервойны, какую роль подобная война будет играть в боевых действиях. Реальная цель терроризма состоит в том, чтобы деморализовать общество, против которого направляется удар. Он вселяет ужас непредсказуемостью своих действий, методов, средств нападения; неизвестно, когда ждать удара, на какой объект он обрушится, ведь всякий раз объект выбирается произвольно, террористическая акция может настичь любого человека в любом месте. Угроза терроризма заставляет правительства вводить тотальный контроль в сферах массовых коммуникаций, ограничивать гражданские свободы в качестве предупредительных мер антитеррора. То и дело объявляется состояние террористической опасности, приостанавливается деятельность посольств в других странах, как это сделали США летом 2013 г. чуть ли не во всех арабских государствах.

Эффективность террора усиливается благодаря средствам массовой информации; люди во всем мире смотрели по телевидению на рассыпающиеся небоскребы в Нью-Йорке, ужасы Беслана, лондонских, московских терактов, убеждались, что от террористов нет спасения. В результате – поистине вселенский страх и всеохватывающая паника, именно то, чего добивается интернациональный терроризм.

Разложение международного правопорядка, основанного на нерушимости государственных границ, образование новых полиэтнических государств создали благоприятную политическую атмосферу для обострения межэтнических и межконфессиональных конфликтов, которые плохо поддаются урегулированию, поскольку, как правило, вспыхивают в государствах со слабой властью и при стимулирующем влиянии внешних сил. Глобальное измерение приобрели угрозы на Ближнем Востоке и в Средней Азии, на Балканах, Кавказе, а в последнее время – и на Украине, где, как пока-

зывают военно-политические события, внешнее вмешательство стимулирует государственный терроризм.

Особо следует выделить конфессиональный аспект угрозы терроризма. В бывших социалистических странах прекратились явные гонения на церковь, которая стала обретать достойное положение в жизни общества, оказывать растущее влияние на формирование его морали и нравственности. Вместе с тем кризис коммунистической идеологии, ориентировавшей сознание и социальное поведение многомиллионных масс, способствовал повышению роли религии в разных странах и, как следствие, обострению межконфессиональных противоречий, которые переплетаются с межэтническими, чем усугубляют конфликты во многих регионах мира. В результате наряду со старыми конфликтами на религиозной почве (в Южной Азии, на Ближнем Востоке, в Ольстере) возникли новые очаги межконфессиональной напряженности (на Кавказе и Украине, в Средней Азии, на Балканах). Эти явления и пытаются исключить из объяснения причин распространения терроризма в мировой политике иные государственные деятели и различного рода идеологи, уверяющие, что современный террор якобы не имеет национальности и конфессиональной принадлежности и не связан с историческим прошлым. И имеет, и связан.

В какой, однако, мере? Каким конкретно образом? В чьих интересах? Вот реальные вопросы, на которые не стоит закрывать глаза, особенно политикам, находящимся у власти. «Необходимо решительно отказаться от того, что террористы якобы не имеют ни национальности, ни религиозной принадлежности. Такое утверждение равносильно мнению, что у них нет возраста или пола. Напротив, как раз знание этого позволит понять причины и природу этнорелигиозного терроризма, оказать сопротивление ему, опираясь в том числе на ценности, которые имеются в соответствующих национальных и религиозных культурах» (Антонян 2006: 35).

Следует подчеркнуть весьма важное обстоятельство: антитеррористические меры, принимаемые правительствами США, России и других стран, ведут к существенному ограничению гражданских прав и свобод, к чему вынуждают требования обеспечения общественной безопасности. Возможны ли в данной ситуации иные средства борьбы? Едва ли. Во всяком случае, практика антитеррора

не знает таковых. Она всегда базировалась на ужесточении полицейского режима и военных операциях. А это прямой путь к тоталитаризации политического режима, с чем общество, напуганное злодеяниями террористов, похоже, готово смириться.

Несколько примеров, показательных не только в этом смысле. В США, всегда культивировавших свободу доступа к информации, пришлось пойти на меры, которые ранее вряд ли были бы возможны. В стране были введены жесткие меры контроля за передвижениями граждан, ограничения в области распространения определенной информации, которая, по мнению власти, может быть использована в террористических целях. Создана небывалая по размерам финансирования и широте полномочий служба внутренней безопасности, расширены структуры внешней разведки, которые в официально заявленных целях борьбы с терроризмом контролируют международные системы электронных и иных информационных связей. Подобные меры теперь принимают и многие другие страны, включая Россию, где, помимо прочего, принят закон о борьбе с экстремизмом, накладывающий известные ограничения на свободу деятельности общественно-политических организаций и движений.

Как отмечает А. Н. Сухаренко, общедоступность, возможности анонимного размещения и ознакомления с информацией экстремистского содержания в Интернете расширяют аудиторию лиц, испытывающих на себе ее негативное влияние. Особенно активно осуществляется экстремистская деятельность в популярных в молодежной среде так называемых социальных сетях. В виртуальной среде приоритетными являются наглядные формы распространения информации – видеозаписи и графические изображения. В 2012 г. федеральный список экстремистских материалов насчитывал 1589 позиций (Сухаренко 2013: 37, 38).

Власти вынуждены ограничивать подобного рода экстремизм, особенно в тех странах, где широко распространены информационные технологии, которые являются определяющим и одновременно самым слабым звеном инфраструктуры современного государства. Поэтому естественно внедрение в эту сферу криминальных групп, что порождает эффекты кибертерроризма. Достаточно представительный список наиболее серьезных и ставших известными кибератак показывает, что их средства и методы уже освоены

международными экстремистскими организациями. В Интернете есть даже сведения об атаках на информационные системы ядерных центров с угрозами вывести из строя систему управления реакторами. В связи с этим аналитики А. В. Бедрицкий и А. В. Федоров пишут о терроризме в трех формах его проявления: а) в качестве средства принудительной дипломатии; б) как средства ведения войны; в) как предвестника «нового мира». До последнего времени главенствующую роль играла форма принудительной дипломатии (отсюда манифестируемость и публичность его актов). «Теперь, похоже, происходит трансформация взглядов на террористическую борьбу в сторону восприятия ее как средства прямого достижения цели. Причем цель может быть известна только организаторам террористического акта, что определяет и его анонимность. Более того, переход от изолированных акций к проведению целенаправленных террористических кампаний, зачастую не ограниченных действиями одной группировки и носящих комплексный характер, многократно снижает возможность эффективно противостоять этой новой форме терроризма – супертерроризму» (Бедрицкий, Федоров 2001).

Еще одно испытание навязывает терроризм мировой политике: выбор между правом и военной силой. Поскольку международное право не вполне приспособлено к борьбе с терроризмом, выбор делается в пользу силы, что, вообще говоря, не ново в истории международных отношений. Определенной группе государств придется вести войну с международным терроризмом. Вот как представляют ее политологи Грэм Эллисон, Карл Кайзер и Сергей Караганов: «Достижение успеха в этой схватке, безусловно, потребует беспрецедентного, всеобъемлющего и глубокого взаимодействия разведывательных, полицейских, таможенных, финансовых и иных структур и организаций различных стран» (Эллисон и др. 2001). Конечно, «коалиция современных государств» будет вести битву за сердца и умы, лишая террористов «возможности свободно “плавать” в знакомых религиозных и социальных средах», с полной отдачей сил, «превосходящей воображение большинства современных политических руководителей». Словом, речь идет о «целенаправленной информационной стратегии», по своему напору не уступающей недавней кампании «свободного мира» в борьбе с

коммунизмом. Эти усилия вряд ли будут менее длительными или более дешевыми, нежели сорокалетняя холодная война, которая обошлась Западу в десять триллионов долларов (Эллисон и др. 2001).

Приведенные выше оценки и суждения вызывают сомнения. Выходит, Запад снова вступает в тотальную войну с неугодными ему частями мира? Выходит, он вправе насильно навязывать ему свои ценности? Озадачивает и реминисценция насчет борьбы с коммунизмом. Новая глобальная конфронтация? С кем? Против кого? Терроризм как международная опасность пока не выявлен до такой степени, чтобы мобилизовывать армии, межконтинентальные ракеты. И почему, собственно, триллионы долларов запускать на «войну», а не поделиться хотя бы малой их толикой с голодной и униженной частью человечества? Ведь угроза идет отсюда. В свое время СССР находил возможность ограничивать и эту угрозу (но данная особая тема выходит за рамки нашего изложения). Вместе с «реальным социализмом» ушли в прошлое и его усилия по организации национально-освободительного, молодежного, женского и иных движений, поддерживаемых СССР и его союзниками. В свое время эти движения участвовали в процессах глобального регулирования отношений между богатыми и бедными странами и общественно-политическими силами в них – подобно тому как система военно-политических блоков обеспечивала относительную стабильность в мировой политике. Эта ниша заполняется теперь как раз теми, против кого объявлена мобилизация «цивилизованного мира». Террористы – только крайне экстремистский фланг, а рядом с ними – не вполне еще идеологически определимые движение антиглобалистов и политические группы его поддержки, радикально левые, антибуржуазные и антикапиталистические движения, антисистемные силы, протестующие против монополизма в сферах коммуникации (пиратские партии), международной политики и безопасности.

Современный мир оказался в ситуации, когда новые социальные и политические институты управления, соответствующие новым глобальным задачам, пока не сформировались. Это приводит к тому, что отдельные государства или группы стран узурпируют руководящую роль в мировой политике, пытаются выступить в каче-

стве международного полицейского. А. М. Салмин так оценивал возможности борьбы с терроризмом: «В действительности в обозримой послесталинской перспективе маячит не коалиция и не альянс, а многоуровневая пирамида “мировой жандармерии”. Фактически таковая существовала уже давно, но сейчас, вероятно, она изменится. Станет более операциональной (по замыслу, но с поправкой на обычаи и нравы бюрократии, особенно международной и вовлеченной в проекты международного сотрудничества)» (Салмин 2002: 31).

Общество с трудом расстается со своим прошлым, исполненным насилия, вражды, несправедливости. Даже демократические государства, их правящие элиты зачастую продолжают взирать на мир сквозь призму отживших оценок и представлений. Основанная на устаревших подходах политика не только не уменьшает угрозу международного терроризма, но, напротив, обостряет ее до предельной черты, за которой террор становится системным фактором мировой политики.

Выдержит ли мировое сообщество испытание терроризмом? Не опускаются ли ныне народы в новую, гибельную для мира конфронтацию, которой еще нет адекватного названия? Пока на нашей планете не сложится миропорядок, созданный сотрудничеством всех существующих цивилизаций, культур, государств и отражающий баланс основных национальных и региональных интересов, человечество будет оставаться беззащитным перед наступлением терроризма. Попытки утвердить такой порядок только силовыми методами лишь стимулируют ответную реакцию террористов. В этой ситуации стоило бы, видимо, обратить внимание на выпестованные вековыми усилиями человечества моральные ценности. Но когда, спрашивается, большая политика считалась с моралью?

Литература

Алаев, Е. И. и др. (ред.) 1996. *Белая книга российских спецслужб*. М.: Обозреватель.

Антонян, Ю. М. 2006. *Этнорелигиозный терроризм*. М.: Аспект Пресс.

Архив русской революции: в 22 т. 1991. Т. 3. М.: Терра. Репринт.

Бедрицкий, А. В., Федоров, А. В. 2001. Прав ли президент Буш? *Независимое военное обозрение* 38 (12.10).

Бердяев, Н. А. 2002. *Смысл истории. Новое средневековье*. М.: Канон+.

Бжезинский, З. 1998. *Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)*. М.: Международные отношения.

Бонч-Бруевич, В. Д. 1931. *На боевых постах Февральской и Октябрьской революций*. М.: Федерация.

Бунин, И. А. 1990. *Окаянные дни*. М.: Советский писатель.

Васильева, О. Ю. 1993. Русская православная церковь и советская власть в 1917–1927 годах. *Вопросы истории* 8: 40–54.

Горький, М.

1990. *«Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.)*. М.: МСП «Интерконтакт».

2003. О русском крестьянстве. *Литературоведческий журнал* 17: 228–254.

Гудрат, С., Лебедев, А. В. 2004. Социальные болезни современности. *Вестник Российского философского общества* 3: 65–73.

Денисов, В. В. 2002. Размышления о насилии в современном мире. *Россия и современный мир* 1: 163–173.

Жиromская, В. Г. 2004. Проблема красного и белого террора 1917–1920 годов в отечественной историографии. *Труды Института российской истории РАН*. Вып. 5 (с. 240–265). М.: Наука.

Иванов, В. Н. 2013. Феномен терроризма. *Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism* 3: 4–8.

Изгоев, А. С. 1923. Пять лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки). *Архив русской революции*. Т. 10 (с. 5–55). Берлин: Слово.

Комин, В. В. 1990. *Нестор Махно: Миф и реальность*. М.: Московский рабочий.

Красная книга ВЧК. 1989 (по изданию 1920–1922 гг.): в 2 т. Т. 1. М.: Политиздат.

Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии. 2001. *Вопросы истории* 8: 7–36.

Ленин, В. И.

1963. Революционный авантюризм. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 6 (с. 377–398). М.: Изд-во полит. лит-ры.

1970. Дополнения к проекту вводного закона к уголовному кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 45 (с. 189–191). М.: Изд-во полит. лит-ры.

1974а. Как организовать соревнование. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 35 (с. 195–205). М.: Изд-во полит. лит-ры.

1974б. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 40 (с. 113–121). М.: Изд-во полит. лит-ры.

1990. Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. *Известия ЦК КПСС* 4: 191–193.

Литвин, А. Л. 2004. *Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг.* М.: Эксмо; Яуза.

Мельгунов, С. П. 1990. *Красный террор в России. 1918–1923.* М.: СП «РУССО»; «PJS».

Отношения Россия – НАТО: новое качество. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО. 2002. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3484>.

Пантин, И. К. 2013. К вопросу о характере Октябрьской революции. *Полис. Политические исследования* 6: 131–144.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В. 2016. Эпоха великих потрясений. Основные тенденции и альтернативы. *История и современность* 1: 64–86.

Петров, Г. Н. 2000. *Диалектика соотношения «красного» и «белого» террора и террора интервентов в годы гражданской войны (1917–1920 гг.)*. М.: МИРЭА.

Салмин, А. М. 2002. На Манхэттене завершилась эпоха «Манхэттенского проекта»? (11 сентября 2001 года в контексте дискуссий о столкновении цивилизаций). *Полития* 1: 5–37.

Сталин, И. В.

1946. Против соглашения с буржуазией. В: Сталин, И. В., *Соч.*: в 13 т. Т. 3 (с. 266–267). М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры.

1948. Заключительное слово по докладу на VII расширенном пленуме ИККИ 13 декабря 1926 г. В: Сталин, И. В., *Соч.*: в 13 т. Т. 9 (с. 62–151). М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры.

1951. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом 13 декабря 1931 г. В: Сталин, И. В., *Соч.*: в 13 т. Т. 13 (с. 104–123). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951.

Сухаренко, А. Н. 2013. Противодействие экстремизму в России: состояние и тенденции. *Противодействие терроризму. Counter-Terrorism. Проблемы XXI века* 3: 36–40.

Тишков, В. А. 2002. Социально-культурный аспект феномена терроризма. В: Кудрявцев, В. Н. (ред.), *Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом* (с. 22–31). М.: Наука.

Троцкий, Л. Д. 1918. *Октябрьская революция*: брошюра. М.; Пг.: Коммунист.

Устрялов, Н. В. 2003. *Национал-большевизм*. М.: Эксмо.

Хобсбаум, Э. 2004. *Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991)*. М.: Независимая газета.

Эллисон, Г., Кайзер, К., Караганов, С. 2001. Глобальный союз безопасности. *Известия* 22 ноября. URL: <http://izvestia.ru/news/254930>.